

Патрик
Уайт

Нобелевская
премия

Фосс

[роман]

XX век / XXI век – The Best

Патрик Уайт

Фосс

«Издательство АСТ»

1975

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

Уайт П.

Фосс / П. Уайт — «Издательство АСТ», 1975 — (XX век / XXI век – The Best)

ISBN 978-5-17-119989-0

Австралия, 1840-е годы. Исследователь Иоганн Фосс и шестеро его спутников отправляются в смертельно опасную экспедицию с амбициозной целью – составить первую подробную карту Зеленого континента. В Сиднее он оставляет горячо любимую женщину – молодую аристократку Лору Тревельян, для которой жизнь с этого момента распадается на «до» и «после». Фосс знал, что это будет трудный, изматывающий поход. По безводной раскаленной пустыне, где каждая капля воды – драгоценность, а позже – под проливными дождями в гнетущем молчании враждебного австралийского буша, сквозь территории аборигенов, считающих белых пришельцев своей законной добычей. Он все это знал, но он и представить себе не мог, как все эти трудности изменят участников экспедиции, не исключая его самого. В душах людей копится ярость, и в лагере назревает мятеж...

УДК 821.111-31(94)

ББК 84(8Авс)-44

ISBN 978-5-17-119989-0

© Уайт П., 1975

© Издательство АСТ, 1975

Содержание

Один	6
Два	20
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Патрик Уайт Фосс

Посвящается Мари Эстурнель де Констан

Один

– Мисс, там какой-то человек спрашивает вашего дядю, – объявила Роуз и остановилась, шумно дыша.

– Что за человек? – спросила девушка, поднося ближе к свету вышивку с замысловатым узором, над которой трудилась. – Может быть, джентльмен?

– Не знаю, – ответила служанка. – Похоже, иностранец.

Было в облике Роуз нечто безрадостное. Крупные груди медленно покачивались, стоило ей заговорить, а своим молчанием она словно давила на окружающих. Если среди тех, кому она прислуживала или к кому обращалась, находились особы чувствительные, то они избегали поднимать на нее взгляд, потому что в манере держаться Роуз им чудилось осуждение, либо же их просто смущала ее заячья губа.

– Иностранец? – переспросила наряженная в воскресное платье хозяйка и удрученно вздохнула. – Значит, немец.

Теперь следовало отдать соответствующее распоряжение. В конце концов, девушка исполняла долг хозяйки как подобает, но поначалу всегда медлила. Ей гораздо больше нравилось пребывать наедине со своими мыслями; если же избежать общения не удавалось, мало кто мог об этом догадаться по ее бесстрастному, как у мраморной статуи, лицу.

– И что мне делать с этим немецким джентльменом? – спросила заячья губа, устроясь подергиваясь.

Девушка с безупречной внешностью не повела и бровью. Она была прекрасно воспитана и предпочитала не замечать нетерпения в глазах слуг.

– В ближайший час дядюшка точно не вернется, – рассудительно проговорила она. – Сомневаюсь, что проповедь уже началась.

Почему этому чужаку, этому иностранцу непременно нужно заявиться в воскресенье, когда она осталась дома одна, с головной болью?

– Я могу отвести джентльмена в кабинет вашего дяди. Туда все равно никто не заходит, – предложила Роуз. – Хотя почему знать, не вздумается ли ему что-нибудь стащить.

Судя по унылому лицу дородной служанки, она повидала на своем веку немало мошенников и теперь, обратившись на путь добродетели, могла распознать их с первого взгляда.

– Нет, Роуз! – наконец заявила девушка-хозяйка с такой решимостью, что взметнула ворох нижних юбок носком ботинка, и накрахмаленная верхняя юбка ослепительно-синего цвета добавила к ее ответу несколько шуршащих нот. – Деваться некуда, иначе будет невежливо. Пригласи джентльмена сюда.

– Вряд ли это разумно, – возразила осмотрительная служанка.

Тем временем девушка, добросовестно корпевшая над вышивкой, заметила, что сделала несколько лишних стежков. Ну и ну!

– И вот еще что, Роуз, – добавила хозяйка, окончательно овладев собой, – после того как мы немного побеседуем – особо не торопись, но и не медли чересчур долго, – принеси портвейн и печенье, которое вчера испекла тетушка, оно на верхней полке. Портвейн бери не самый лучший, а тот, что попроще. Говорят, он весьма неплох. Главное, постарайся принести угощение не слишком поздно, не то дядя с тетей вернутся домой, и выйдет неловко, если столько всего случится одновременно.

– Да, мисс, – сказала Роуз, которую это ничуть не заботило. – Вам рюмку нести?

– Принеси, – кивнула девушка. – Печенье попробую, насчет портвейна я пока не решила.

Многочисленные юбки служанки пришли в движение. Коричневое платье удивительно ладно сидело на ее коренастой фигуре.

– Ах да, Роуз, – окликнула девушка, – не забудь объявить о приходе мистера Фосса, когда пригласишь его в комнату.

– Мистер Фосс? Так зовут этого джентльмена?

– Если он немец, то да, – ответила девушка, разглядывая свою вышивку.

Комната, в которой она сидела, была довольно большая, с темной мебелью, и древесина – старая, выдержанная – будто поглощала лучи солнца, проникающие через полузакрытые ставни, хотя кое-где им и удавалось победно просиять – то на поверхности испещренного полосами тени и света зеркала, то на керамическом столике-табурете, то на какой-нибудь безделушке граненого стекла. В тот день погода выдалась не по-весеннему знойная, и в ожидании гостя хозяйка промокала платком испарину над верхней губой. Ее темно-синее платье буквально растворялось в сумраке, белели только аккуратные манжеты и воротничок, открывающий стройную шею. Некоторые утверждали, что лицо у нее вытянутой формы. С первого взгляда было сложно понять, красива она или нет, но вполне могло быть, что да.

Девушка, которую звали Лора Тревельян, слышала шаги, и ей стало очень жарко. Впрочем, никто не смог бы определить это по ее виду, потому что она не проявляла ни малейшего беспокойства. Никогда.

По сути, самые острые муки и радости она переживала в одиночестве. Как и свое недавнее решение больше не верить в Бога, о чьем могуществе и человеколюбии ей твердила целая череда гувернанток во главе с доброй тетушкой. Сложно сказать, что стало причиной отступничества Лоры – разве что ее настигло внезапное озарение, случившееся вовсе не по вине тех невинных, простых и добрых душ, с которыми она общалась. Во всяком случае, в итоге она сделалась рационалисткой. Будь она менее горда, то страшилась бы этого куда сильнее. Само собой разумеется, она провела пару бессонных ночей накануне важного решения, к которому, как внезапно осознала Лора, шла уже несколько лет. Сомневаться она начала еще в раннем детстве, возможно, со скуки: в душном мареве веры она задыхалась. Впрочем, Лора верила в вещи осязаемые – в полированное дерево, отражающее предметы, в ясный дневной свет и воду. Даже повзрослев, она фанатично билась над математическими задачками – исключительно ради удовольствия найти решение и узнать ответ. Она прочитывала почти все книги, которые попадали ей в руки в этой отдаленной колонии, пока не сочла свое образование законченным. Она ни в коей мере не испытывала необходимости воспроизводить свой образ ни в чем, кроме, разве что, в отражении мутного зеркала в большой затемненной комнате. И все же, несмотря на завидную самодостаточность, она вполне могла бы разделить свой опыт с кем-нибудь, сходным с ней по интеллекту, если бы таковой нашелся. В узком кругу знакомых или семьи на эту роль не годился никто – ни щедрый дядюшка-коммерсант, человек, в общем-то, простой, ни тетушка Эмми, обивавшая мягкой тканью забот любые житейские трудности, чтобы потом усесться на них с комфортом, ни кузина Белла, с которой она иной раз делилась исключительно забавными секретами, потому что та была совсем юной. Так что на самом деле в ее окружении не нашлось никого подходящего, и в отсутствии спасательной команды ей приходилось быть сильной.

Размышляя о своих неурядицах, Лора Тревельян засмотрелась в зеркало и совсем позабыла о посетителе, поэтому изрядно смутилась, когда служанка Роуз Поршен, бывшая каторжница, шагнула в комнату и объявила:

– Мистер Фосс, мисс.

И прикрыла дверь.

Будучи вынуждена общаться с посторонними, юная хозяйка ощущала спазм в горле. Охваченная удушьем, она опасалась, что к удивлению или даже к тревоге собеседников станет заикаться, но нет. С посторонними она всегда держалась ровно, иногда даже величественно.

– Вы должны извинить моего дядю, – проговорила Лора Тревельян. – Он все еще в церкви.

Она двинулась навстречу гостю, шурша пышными юбками, и протянула ему холодную руку, которую он пожал горячо и чуть грубовато.

– Я зайду позже. Может быть, через час, – пообещал низким мощным голосом высокий худощавый мужчина, приуныв при виде роскошной мебели.

– Служба скоро закончится, – заметила девушка, – и моя тетя наверняка ожидает, что я приму вас надлежащим образом.

Она была непревзойденной мастерицей разговоров ни о чем.

Приунывший немец теребил карман куртки, ткань шуршала громко и резко.

– Благодарю, – брюзгливо пробормотал он с сильным акцентом.

Девушка невольно улыбнулась, ощутив свое превосходство, и благосклонно добавила:

– После поездки в такую жару вам наверняка хочется передохнуть. К тому же следует позаботиться о вашей лошади. Сейчас я распоряжусь.

– Я пришел пешком, – признался немец.

– Ну надо же, из самого Сиднея!

– Тут не больше четырех километров.

– Дорога довольно однообразна.

– Здесь я как дома, – ответил он. – Похоже на бедные северные земли Германии. Там тоже песчаные почвы. К примеру, в маркграфстве Бранденбург.

– Никогда не бывала в Германии, – сдержанно заметила девушка. – Дорога в Сидней кажется мне однообразной, даже из окна экипажа.

– А по своей стране вы часто ездите? – спросил Фосс, наконец найдя повод для осуждения.

– Не так чтобы очень, – ответила Лора Тревельян. – Изредка выезжаем на природу – для пикников. Или же отправляемся на прогулки верхом. Иногда гостим несколько дней у друзей за городом. Перемена обстановки вносит разнообразие, но я всегда радуюсь возвращению домой.

– Зря сидите на одном месте, – заявил немец. – Страна у вас изумительная.

С грубой навязчивостью он обвинил ее в легкомыслии, в коем она и сама себя подозревала. Временами Лоре слышался собственный голос, твердивший то же самое. Отчасти она страшилась земли, которую, за неимением другой, считала своей. Однако в этом страхе, как и в некоторых снах, она ни за что бы не призналась.

– Знаю, я полная невежда! – рассмеялась Лора Тревельян. – Как и все женщины, о чем мужчины постоянно нам напоминают.

Она давала ему возможность свести все к шутке.

Однако немец ею не воспользовался. В отличие от других мужчин – веселых английских офицеров или молодых помещиков, наезжавших в город, чтобы найти невесту, – он вовсе не считал нужным смеяться. Или же ему не было смешно.

Лора Тревельян с сожалением посмотрела на его растрепанную и довольно жесткую на вид бороду, впрочем, приятного черного цвета.

– Я не всегда понимаю хорошо, – признался немец. – Не все.

Либо он устал, либо же сердился из-за какого-нибудь происшествия или фразы, либо ему просто не нравилась комната, столь немилосердная к чужакам – роскошно обставленная гостиная явно производила гнетущее впечатление, хотя хозяева вовсе к этому не стремились.

– Давно ли вы прибыли в колонию? – осведомилась Лора Тревельян ровным, бесстрастным голосом.

– Два года и четыре месяца, – ответил Фосс.

Она села, и он последовал ее примеру. Они приняли почти одинаковые позы, расположившись в креслах по обе стороны огромного окна. Так сказать, со всеми удобствами. Только вот костлявые колени мужчины чересчур натягивали ткань брюк. Девушка с задумчивым видом подметила, что внизу штанины обтрепались, будто он наступал на них при ходьбе.

– Я здесь уже так давно, – немного мечтательно проговорила она, – что даже не считаю годы. И уж конечно не месяцы.

– Разве вы родились не здесь, мисс Боннер? – спросил немец, понемногу осваиваясь.

– Тревельян, – поправила она. – Миссис Боннер – сестра моей матери.

– Вот как! – воскликнул он. – Племянница.

Разомкнув костлявые руки, он слегка расслабился, потому что племянница – тоже человек в какой-то степени посторонний.

– Мои отец и мать умерли. Родилась я в Англии. Сюда приехала, когда... – она покашляла, – когда была маленькой. Разумеется, кое-какие воспоминания у меня остались, но они совсем детские.

Слабость девушки помогла мужчине вновь обрести утраченную силу. Он уселся в кресле поудобнее.

В комнату с высоким потолком лился свет, доносились воркованье голубей и гул насекомых. Вернулась приземистая служанка с подносом, принесла вино и печенье. Шум снаружи и дыхание третьего человека несколько разряжали обстановку, рубиновая жидкость в графине перестала раскачиваться и замерла. Порядок восторжествовал.

Даже присутствие потрепанного незнакомца с впалыми щеками и тонкими костлявыми пальцами не могло разрушить ощущения полного спокойствия, столь типичного для многих домов в воскресное утро, когда вся семья находится в церкви. Покой этот – явление временное. Скоро сюда ворвутся голоса, может быть, слегка приглушенные. Девушка и сама распалась на голоса своего прошлого. Вот тонкий, серый голос матери, который она никогда не могла связать с ее телом. «Уже отходит», – сказали голоса вроде тех, что закрывают крышку и устраивают будущее. Отходит, только вот куда? На лестнице холодно, ступени ведут вниз, вниз и сверкают от воска, пока дверь не открывается в утро, а ступени Кейт натерла пемзой. Бедная, бедная маленькая девочка! Ее жалеют, ее целуют чужие влажные губы. Часто ее обнимает Капитан в кителе, так крепко, что она почти становится с ним одним целым – это бьется его сердце или урчит его ужин? – и чередует приказы со сказками; все пахнет солью и мужчинами. Маленькая девочка проваливается в необъятное звездное небо, или в теплый грубый китель, или в сон. Качаются снасти, сияют звезды. Сон и явь, открытия и закрытия, солнца и луны, ничего не поделаешь. «Я твоя тетушка Эмми, и это твой новый дом, бедное дитя, в Новом Южном Уэльсе, надеюсь, ты будешь здесь счастлива, Лора, в этой комнате, мы выбрали шторы из ткани повоздушной, чтобы было светлее», – говорит из-под шляпки мелодичный голос, пахнущий приятным гвоздичным мылом. И на мгновение ей кажется, что постоянство достижимо...

– Прошу прощения, – проговорила Лора Тревельян, подавшись вперед и откручивая пробку графина с узким горлышком; раздался скрежет стекла или же с трудом произнесенных слов. – Я забыла предложить вам вина.

Гость протестующе поерзал в кресле, будто собирался отказаться от того, чего ему очень хочется, но сказал:

–*Danke*¹. Нет. Пожалуй, немного налейте. Да, половинку.

Он подался вперед, взял полный до краев бокал и пролил каплю, чего мисс Тревельян, разумеется, не заметила.

Вдруг в горле у него защемило от портвейна и отчужденности – ему было свойственно предаваться меланхолии на пике наслаждения, и временами он нарочно создавал себе трудности, чтобы, преодолевая их, развлечься. И вот прошлое стало распухать искаженными пузырями, словно окна на складе, где старик-отец отдает распоряжения подручным работникам и клеркам, и сладкий запах светлых досок создает впечатление безопасности и добродетели.

¹ Спасибо (нем.). – Здесь и далее прим. пер.

Нет ничего безопаснее городка с остроконечными крышами, из которого он готов вырваться при любой погоде, даже ночью, с трудом пробираясь через вересковую пустошь, почти бегом, выплевывая легкие, цепляясь за сучья приземистых, искореженных ветром деревьев, едва различимых при свете тонкого месяца, и мимо прочих ловушек, вроде неожиданно возникшей топи, по которой уныло чавкают его башмаки. Впрочем, во время учебного семестра у него была самая что ни на есть безупречная репутация, вполне достойная великого хирурга, которым он намеревался стать, пока внезапно не почувствовал отвращения к дрожащим людским телам. И тогда он понял, что лучше станет великим ботаником, и с головой ринулся в учебу. Особенно его восхищала кобровая лилия, которая поедает мух. С какой поразительной инстинктивной аккуратностью она избавляет мир от гнусных насекомых! Среди немногих друзей его одержимость стала поводом для шуток. Сперва это вызывало лишь досаду, потом он увидел и положительную сторону: порой непонимание окружающих играет на руку. Взять хотя бы книги, над которыми он корпел. Прерываясь, он сидел при свече в тишине своей скучной комнаты и грыз ногти. В этот час безмолвный белый мир казался плоским как носовой платок и почти таким же немудреным. Наконец он понял, что должен переступить через доверчивого старика-отца. Ради своей защиты ему пришлось стать жестоким. И мать его плакала возле очага, облицованного рельефными зелеными плитками со львами. Потом, когда ему удалось вырвать свободу у отчаянно сопротивлявшихся родителей, старики принялись подкладывать сыну маленькие свертки – не столько подарки, сколько упреки, и зеленые леса Германии уплывали вдаль, желтые равнины разворачивались перед ним, и он все недоумевал, какова цель и сущность его свободы. Что за аккуратные деревца росли вдоль дорог! Он все еще продолжал недоумевать, стоя на другом краю света, и сапоги его тонули все в том же бесплодном зернистом песке, по которому он бежал, покидая родной Хайде. Однако цель и сущность свободы ему так и не открылись. Поведение человека – череда стремительных рывков, направление которых, по всей видимости, предопределено.

Допив портвейн, Фосс сделал вежливый жест, которому где-то научился, прочистил горло и степенно проговорил:

– Ваше здоровье, мисс Тревельян.

Она сжала губы, ощутив приятную горечь, снова откупорила графин и выпила глоток сверкающего портвейна за его здоровье – ради соблюдения приличий.

Вспомнив свою тетушку, она рассмеялась.

– Моя тетушка считает, что формальности следует соблюдать. Тем не менее, она не одобряет девушек, пьющих вино.

Фосс не понял ее слов. Зато увидел, как она красива.

Она знала, что красива – в определенном свете, в определенные моменты; при других же обстоятельствах лицо ее выглядело чересчур узким и непреклонным.

– Здесь у вас хорошо, – наконец признал Фосс, расслабившись от вина и поглядывая на полуоткрытые ставни, за которыми металась листва, птицы и свет.

Взгляд гостя неизменно возвращался к обстановке комнаты. Слишком много лишнего. Такие красивые женщины для него совершенно лишние, думал он, разглядывая ее стройную шею. Он вспомнил свою комнату, представил, как лежит на железной кровати. Порой его посещало чувство невыносимой красоты, но никогда подобный опыт не воплощался в конкретных образах. Он ничуть об этом не сожалел, прикрывая бледные веки в ожидании совершенно особой судьбы. Ему вполне хватало самого себя.

– Вы должны взглянуть на наш сад, – говорила мисс Тревельян. – Дядюшка увлекся им всерьез. Даже в Ботаническом саду вы вряд ли найдете подобное разнообразие!

Они вернутся скоро, подумала Лора, вот только недостаточно скоро. О господи, как же она устала от этого замкнутого, нелюдимого мужчины!

Девушка принялась покачивать ножкой. Шелковое платье блестит на солнце. Тонкая талия выглядит идеально. Тем не менее, навязанная роль ей претила, внутри поднималось глухое раздражение. Это он во всем виноват, думала она, держится высокомерно, а сам ничтожество, да еще эти его обтрепанные брюки... Ради развлечения она принялась сочинять фразы на грани любезности и неприветливости, которыми могла бы встретить его предложение руки и сердца. Лора Тревелиян уже дважды получала таковые – одно от коммерсанта, возвращающегося в Англию, второе от некоего овцевода, – ну, то есть почти получала, поскольку ни один из двух джентльменов так и не отважился произнести его вслух. Поэтому мужчин Лора презирала, и тетушка Эмми опасалась, что она холодна.

И тут мягко захрустел гравий, закрипела упряжь и повеяло потом разгоряченных лошадей. Вдали зазвучали людские голоса.

– Вот и они! – воскликнула Лора Тревелиян, поднимая руку.

В тот момент она была особенно хороша.

– *Ach*, – вздохнул Фосс. – *Wirklich?*²

Немец снова приуныл.

– Почему вы не посещаете церковь? – спросил он.

– У меня слегка разболелась голова, – ответила девушка, разглядывая на подоле крошки с печенья, которое попробовала в знак уважения к гостю.

Зачем он вообще спросил? Тощий немец ей не понравился. Тем временем гурьбой вошли остальные, заполнив пустовавший дом. Столь солидные каменные дома, которые будто поощряют к раздумьям, и мысли проскальзывают в них с легкостью теней, и тишина буквально материализуется в зримые формы, преображаются самым неожиданным, даже жестоким образом, ясно давая понять, что их комнаты принадлежат вовсе не мечтателям, а детям света, которые уверенно вступают в свои права и распаивают настезь все ставни.

– Мистер Фосс, не так ли? Мне действительно очень интересно с вами познакомиться.

Это была тетушка Эмми в элегантной серой ротонде из последней партии доставленных в колонию товаров.

– Фосс? Самое время, – сказал дядюшка, позвякивая мелочью и ключами. – Мы вас уже и не ждали.

– Фосс! Провалиться мне на этом месте! Когда успели вернуться в город, чудак вы человек? – спросил лейтенант Рэдклиф, который для Беллы Боннер был просто Том.

Сама Белла была еще слишком молода, чтобы участвовать в беседе на равных с прочими, зато ей вполне разрешалось красиво и искренне улыбаться, чем она и занималась сейчас.

Все вновь прибывшие немного запыхались, женщины развязывали ленты капоров и прихорашивались, мужчины посмеивались над какой-то новой шуткой, понятной только личностям с хорошей репутацией, холемым и заурядным.

Фосс среди них смотрелся пугалом. Он стоял, одеревенело покачиваясь вперед-назад. Лора Тревелиян устранилась от беседы, ведь она уже ничего не могла поделать. Впрочем, помочь ему никто был не в силах.

– К сожалению, я пришел довольно давно, – начал немец, с трудом подбирая слова, – не приняв во внимание ваших естественных воскресных привычек, мистер Боннер, и в результате целых три четверти часа испытывал терпение бедной мисс Тревелиян, которая была так добра и развлекала меня все это время.

– Наверняка ей было очень приятно, – сказала тетушка Эмми, хмурясь и целуя племянницу в лоб. – Как твоя голова, бедная моя Лора?

Девушка лишь махнула рукой и отошла в сторонку, надеясь, что о ней забудут. Мысли тетушки Эмми плавали на поверхности, благодаря чему почти всегда были очевидны. К при-

² Увы. Неужели?

меру, сочувствие к тому, кто родился иностранцем, вряд ли оправдывает неосмотрительность племянницы, вероятно, расщедрившейся на их лучший портвейн. Поэтому миссис Боннер поскорее ринулась убирать поднос, хотя по графину судить о качестве вина было сложно.

– Раз уж вы здесь, Фосс, – проговорил ее супруг, который имел привычку позвякивать мелочью из страха перед безденежным прошлым, – раз уж вы здесь, то давайте обсудим все детали. Само собой разумеется, я снабжу вас любыми товарами, которыми торгую, и также с удовольствием посоветую, у кого следует закупать, к примеру, провиант – Фосс, не вздумайте отдавать предпочтение торговцам без моей рекомендации! Я вовсе не хочу сказать, что у нас тут много мошенников, но вы должны понимать, что бизнес есть бизнес. Кроме того, я уже связался с владельцами судна, которое доставит вашу экспедицию, по крайней мере, до Нью-касла. Да! Из сказанного вы должны понять, что обеспечение экспедиции заботит меня не в последнюю очередь. Не подлежит сомнению, что вы и сами продумали многое, хотя и не сочли нужным уведомить меня. Кстати, в прошлую пятницу я получил письмо от мистера Сандерсона, который готовится принять вас на первом этапе путешествия. Многое нужно обсудить! По-хорошему, нам следует покинуть этих леди и, – торговец тканями прочистил горло, – поговорить.

Однако до этого пока не дошло. Никто из мужчин вовсе не собирался сдаваться без боя, и поединок взглядов продолжался. Оба были голубоглазы, но смотрели совершенно по-разному. Фосс часто терялся в своих мыслях как птица в небе. Мистер Боннер никогда не отрывал взгляда от знакомых предметов. Он стоял обеими ногами на земле.

– Должен сказать, я рад видеть вас снова, старина Фосс, – сообщил лейтенант Рэдклиф без малейшего удовольствия.

У него тоже были голубые глаза, в которых сквозила некая примитивная красота. Позже он наверняка обрюзгнет и станет более-менее похож на своего будущего тестя, благодаря чему, возможно, Белла и полюбила Тома.

– Где же вы были? – Лейтенант продолжал беседу с малоинтересным ему знакомым. – Заблудились в буше? – Ответов он не ждал и не слушал. – Снова квартируете у бедняги Топпа? Говорят, все его помыслы сейчас устремлены к одной юной леди, берущей уроки игры на флейте.

– Инструмент оригинальный и ничуть не подходящий для девушки, – заметила миссис Боннер. – Если хочется разнообразия (некоторые, я знаю, питают отвращение к фортепиано), то уж лучше арфа!

– Да, я снова квартирую у бедняги Топпа, – сказал Фосс, у которого ум за разум заходил от этого общества. – Я не заблудился в буше. Хотя мне доводилось бывать там, точнее, в его населенной части. Недавно я путешествовал по Северному побережью, собрал несколько интересных образцов растений и насекомых. Еще я посетил Моравских братьев в заливе Моретон, провел у них пару недель.

Теперь Фосс обрел почву под ногами. Он и в самом деле немного пошатывался, зато обтрепанные штанины его брюк скрылись в густом ворсе ковра. Насколько меньшей разрушительной силой обладают жажда, лихорадка, физическое истощение, думал он, чем людское общество. Как-то раз в горном ущелье на него рухнул валун, едва не погребя под собой, и ободрал ему руку, а потом покатился дальше, ломая деревья и неся гибель кенгуру-валлаби. Смертельная опасность разбудила в немце дух противоречия и придала сил. Он продолжил путь, чувствуя в себе дыхание жизни. Но слова, даже если это слова доброжелательности и поддержки, даже если они падают мимо цели, едва его не убивали.

– Белла, когда-нибудь мы обязательно предпримем это путешествие, – заявил Том Рэдклиф, выставляя напоказ свои права на будущую невесту. – Я имею в виду залив Моретон.

К путешествиям лейтенант был равнодушен, зато перспектива потеряться вдвоем в каком-нибудь уединенном местечке его очень даже вдохновляла.

– Конечно, Том, – лениво и тихо согласилась Белла, и золотистый луч солнца упал ей на верхнюю губу.

Эти молодые люди имели привычку переглядываться так, словно надеются обнаружить вход в еще более сокровенные глубины в душах друг друга. Она была совсем дитя, и личность ее пока не сложилась окончательно. Кожа у девушки имела чудесный медовый оттенок, шея была несколько толстовата. Эти две особенности, вместе с превосходным телосложением, Белла Боннер передала впоследствии всем своим многочисленным потомкам, ради создания которых она и была предназначена.

– Вы тут всех заразите своей страстью к исследованиям, Фосс! – засмеялся мистер Боннер, который всегда находил выход из тупиковых ситуаций. – Пойдемте же, пусть леди тем временем приготовятся к обеду.

Они прекрасно дополняют друг друга, поняла Лора Тревельян и зевнула. Дядюшка такой хороший. А вот немец – тип неприятный, хотя и небезынтересный. У него крепкая, довольно мускулистая спина, которая несколько сглаживает впечатление худосочности. Теперь, когда он отвернулся, Лора вспомнила его лицо, и ей захотелось взглянуть в эти необычайно голубые глаза еще пристальнее, чем она позволила себе вначале.

Так или иначе, они удалились. Это был намеренный, мужской жест. Они отправились в меньшую комнату, которую в доме называли Кабинетом мистера Боннера и где действительно стоял письменный стол – совершенно пустой, не считая подаренных женой безделушек и нескольких серебряных монет, разложенных на роскошной красной тисненой коже. Пахнущие сыростью географические справочники, альманахи, сборники проповедей и книги по этикету, полное собрание сочинений Шекспира сдержанными цветами переплетов создавали приятный фон. В этой комнате к серьезным занятиям располагало все, кроме ее владельца, хотя порой он и мог вяло поразмышлять здесь после сытного воскресного обеда о перспективах торговли или, если его мучил ревматизм, порыться в счетах и полистать бухгалтерскую книгу, которую привозил из города мистер Пэйлторп. В домашнем кабинете в полной мере воплотились честолюбивые замыслы миссис Боннер. Царящая там безупречная чистота и порядок были предметом особой гордости, и некоторые посетители даже побаивались в нем находиться, сам же коммерсант предпочитал беспорядок и суматоху тесного рабочего кабинета в своем магазине.

– Теперь мы можем все обсудить, – предложил мистер Боннер и, подумав, добавил: – Без посторонних.

Была в нем некая страсть к конспирации, которая побуждает взрослых мужчин становиться масонами, а мальчишек – писать свое имя кровью. Более того, в обществе невзрачного немца он ощутил власть благодетеля над своим протеже. По колониальным меркам коммерсант считался богачом, и капитал нажил на солидном предприятии, торгуя ирландским льном и швейцарским муслином, камчатым полотном, бумазеей, зеленым сукном и саржей. На вывеску «Эдмунд Боннер – английский торговец тканями» пошло лучшее сусальное золото, и леди, проезжавшие в ландо и каретах по Джордж-стрит, жены офицеров и богатых скотоводов, кланялись этому уважаемому человеку. Пару раз с ним лично советовалась сама леди Г., которая была столь любезна, что согласилась принять в подарок скатерть и несколько льняных простыней.

Поэтому Эдмунд Боннер мог себе позволить сидеть, вытянув ноги, в солидном кабинете собственного каменного дома.

– Вы уверены, что готовы предпринять столь серьезную экспедицию?

– Естественно, – ответил немец.

Разумеется, он нашел свое призвание, и, разумеется, его покровитель этого еще не понял.

– Я хочу сказать, вы осознаете, насколько все серьезно?

– Если вас заботит, осознаю ли я значение этой экспедиции, мистер Боннер, – ответил немец, взвешивая каждое слово, будто драгоценный камень, – то, по всей видимости, мы с вами ждем от нее разных результатов.

Тучный коммерсант за столом красного дерева рассмеялся. Приятно прикупить товар, всю ценность которого понимаешь не сразу. После ряда примерок покупатель облачается в готовый продукт, воспринимая это как должное, остальным же остается только завидовать. Мистеру Боннеру льстила чужая зависть. Ноздри его затрепетали.

– Я покорю эту страну, – бесстрастно заявил Фосс.

– Все это очень хорошо, – сказал коммерсант, вытягивая ноги еще дальше вперед, – полагаю, вы полны энтузиазма – так и должно быть. Лично я могу позаботиться о кое-каких практических моментах. О припасах, к примеру. До Ньюкасла вас довезет капитан «Морского ястреба», если будете готовы подняться на борт до его предполагаемого отплытия. В Рейн-Тауэрс вас ждет Сандерсон, в Джилдре – Бойл, там будет ваш последний аванпост. Все эти джентльмены великодушно вызвались внести посильный вклад в виде крупного скота, Бойл предоставит также овец и коз. А вот любое научное оборудование по вашей части, Фосс. Вы уже подыскивали подходящих компаньонов, которые станут сопровождать вас в сем грандиозном предприятии?

Немец презрительно прикусил кончики усов. У него сделался такой вид, будто он страдает от несварения желудка.

– Я буду готов, – заявил он. – Все под контролем. Я задействовал четырех человек.

– Кого? – спросил тот, кто давал свои деньги совместно с еще несколькими отважными гражданами.

– Вряд вы ли знакомы, – уклончиво ответил Фосс.

– И кто же это? – настаивал торговец тканями. Тщеславие не позволяло ему и помыслить, что найдутся люди, с которыми он не знаком.

Фосс пожал плечами. Другие люди его не интересовали. В нескольких коротких экспедициях, которые он уже совершил, исследователя сопровождали молчание, скрип подпруги и вздохи лошади.

– Один из них – Робартс, – нехотя начал Фосс. – Англичанин, познакомились на корабле. Он хороший и простой парнишка.

Хотя и слишком навязчивый.

– Другой – Лемезурье. Мы с ним тоже путешествовали вместе. Фрэнк не подведет, если только не перережет себе горло раньше времени.

– Звучит многообещающе! – захохотал Эдмунд Боннер.

– Еще Пэлфримен. Его-то вы точно одобрите, мистер Боннер. Он – личность выдающаяся. Человек твердых моральных принципов. Орнитолог. И христианин вдобавок.

– Охотно верю, – с некоторым облегчением отозвался коммерсант. – Полагаю, его знает мой друг Прингл. Да, я о нем слышал.

– Еще Тернер.

– Кто такой Тернер?

– Ну-у, – протянул Фосс, – Тернер – чернорабочий. Попросился сам.

– Вы уверены, что он – человек подходящий?

– Я совершенно уверен, что смогу провести экспедицию через весь континент, – заявил Фосс.

Теперь немец держался твердо, как скала. Он грозно нависал над коммерсантом, который впервые всерьез задумался, во что именно ввязывается, хотя воодушевление исследователя передалось и ему.

Впрочем, мистер Боннер был по натуре человек осторожный.

– Сандерсон подыскал для вас еще двоих, – сообщил он.

Фосс тоже заосторожничал. Ему почудилось, что неизвестные наблюдают за ним из-за деревьев и из углов богато обставленной комнаты. Он не доверял их пустым лицам. Он подозревал всех, кроме себя, и лучше всего ему было в тишине, столь же необозримой, как лежащий перед ним путь и как ресурсы его собственной личности. Он вовсе не доверял спутникам, выбранным для спокойствия своего благодетеля, и считал слабаками всех, кроме одного, который готов был отдать свою силу из чистого альтруизма.

– Мне хотелось бы избежать разногласий, которые в большой компании неизбежны.

– Вы отправляетесь на год, на два или даже больше – в любом случае, на солидный срок. Разнообразие мнений вам только на пользу. Огромные расстояния изматывают физически. Некоторым участникам вашей экспедиции придется ее покинуть, кто-то, как ни прискорбно, может вообще уйти из жизни. Вы уважаете мое мнение? Мистер Сандерсон его вполне разделяет. Он убежден, что эти двое будут весьма полезны для экспедиции.

– И кто же они? – спросил мрачный немец.

Коммерсант принял равнодушие за покорность. Лицо его мигом прояснилось, он подался вперед и с чувством собственного превосходства пустился в объяснения.

– Один из них – молодой Ангус. Ангус вам понравится. Он владеет хорошим поместьем в окрестностях Рейн-Тауэрс. Бравый парень – назвать такого приятного молодого человека отчаянным язык не повернется – несколько лет назад побывал в Даунсе, хотел искать счастья подальше на западе, однако условия тогда выдались не особо благоприятные. А другой, – проговорил Эдмунд, разглядывая нож из слоновой кости для разрезания бумаг, подаренный супругой на день рождения, и которым он ни разу не воспользовался, – а другой – Джадд. Сам я с ним не знаком, зато мистер Сандерсон утверждает, что это человек крепкий и телом, и духом. К тому же отлично умеет приспосабливаться к любым условиям, что весьма важно в стране, где вещи первой необходимости не всегда под рукой. Насколько я понимаю, в плане живучести Джадд проявил свои лучшие качества, потому что некогда прибыл сюда не по своей воле. Другими словами, он бывший каторжник. Разумеется, теперь он на свободе. Меня заверили, что обстоятельства его ссылки совершенно смехотворны.

– Как и у всех прочих, – перебил Фосс.

Коммерсант заподозрил неладное и замолчал.

– Убийства совершают многие из нас, – заметил немец, – разве не смехотворно, мистер Боннер, когда за это ссылают в Новый Южный Уэльс, да еще человека с подобным именем?³

Мистеру Боннеру ничего не оставалось, как посмеяться над этой шуткой и поскорее уйти от скользкой темы. Он принялся постукивать изящным ножом по куску холста, испещренному линиями, на столе перед ним. Назвать картой этот вольный рисунок с белеющими повсюду пятнами было бы несколько опрометчиво.

– Полагаю, вы не сочтете нескромным, мистер Фосс, если я спрошу, изучали ли вы карту?

– Карту? – повторил Фосс.

Мечты, от которых его отвлекли, явно отличались размахом. Даже торговец тканями впечатлился и молча ткнул в линию побережья.

– Какую карту? – спросил немец. – Я буду первым, кто составит карту Австралии!

Порой его высокомерие распадалось на простоту и искренность, хотя людям посторонним бывало непросто отличить одно от другого.

– Хорошо, что вы о себе такого высокого мнения! – рассмеялся коммерсант.

Его честная плоть всколыхнулась, и, будучи изрядно пьян, он принялся зачитывать, почти скандируя, официальные названия первых поселений и рек. Мистер Боннер читал слова, и перед взором Фосса мелькали реки. Он следовал по их бурным водам. Он тек холодным стеклом или высыхал желтыми лужицами цветущей на солнце стоячей воды.

³ Джадд – английский вариант имени Иуда.

– Значит, вы понимаете, сколько всего следует учесть, – подхватил утраченную было нить беседы коммерсант. – *Иtempus fugit, tempus fugit!*⁴ Ба! Да ведь пора обедать, и это прекрасная иллюстрация того, о чем я сейчас вам толковал.

После чего он хлопнул по колену своего пусть и чудаковатого, зато очень приятного протеже. Самым приятным в нем было вот что: глядя на немца, Эдмунд Боннер вспоминал себя прежнего. Когда-то и сам коммерсант был таким же тощим и голодным, как Фосс.

Каменный особняк содрогнулся от звона – Джек Проныра вошел со двора и ударил в огромный гонг. Роуз Поршен тем временем сновала туда-сюда, накрывая на стол и не обращая ни на кого ни малейшего внимания.

– Должно быть, вы проголодались, – заметил мистер Боннер.

– Прошу прощения? – переспросил Фосс, раздумывая, как бы уклониться.

– Полагаю, – многозначительно проговорил коммерсант, – вы не откажетесь от своей доли обеда.

– Я не готов, – ответил немец, снова чувствуя досаду.

– Да разве нужно готовиться к первосортной говядине и пудингу! – воскликнул его благодетель, устремляясь вперед. – Миссис Боннер! Наш друг остается обедать.

– Так я и подумала, – сказала миссис Боннер, – Роуз уже вам накрыла.

Мужчины вышли из кабинета и присоединились к остальным, которые тем временем прохаживались в ожидании обеда по мощенному желтой плиткой холлу. Прохладный камень гасил смех молодежи и приглушал голоса тех, кто разговаривал лишь бы поговорить. Том и Белла порой предавались этому развлечению часами. Еще к ним присоединились недавно прибывшие супруги Пэйлторп. Мистер Пэ, как иногда называла его миссис Боннер, – правая рука ее мужа, в коем качестве был совершенно незаменим, а также весьма кстати разнообразил их воскресные обеды. Мистер Пэ обладал лысиной и густыми усами, напоминающими пару дохлых птиц. Его сопровождала жена, прежде служившая гувернанткой, особа в высшей степени сдержанная во всех своих проявлениях, будь то выбор шали или поведение в домах богачей. Супруги Пэ смиренно ожидали приглашения к столу и чувствовали себя вполне непринужденно, поскольку за много лет изрядно поднаторели в практике самоуничижения.

– Спасибо, но я не останусь! – сердито сказал немец.

«Грубиян», – подумала миссис Боннер.

«Иностранец», – подумали супруги Пэ.

«Человек, который мне, в конечном итоге, совершенно безразличен, – подметила Лора Тревельян, – хотя пришел он сюда, разумеется, вовсе не по мою честь. Что это со мной?!» – удивилась сама себе она.

Смех и чужое общество иногда преисполняли эту девушку жалостью к себе, однако она вовсе не желала расставаться с одиночеством и сейчас старательно отводила взгляд, особенно от мистера Фосса.

– Как это – не останетесь? – возмутился хозяин, слглатывая слюну.

– Если уж таково намерение гостя, – вмешалась миссис Боннер, – то уговаривать его вы бросьте.

– У тебя получился скверный стишок! – засмеялась Белла, целуя мать.

У этой девушки давно вошло в привычку игнорировать гостей в присутствии своих домашних.

– Тем больше мяса достанется мистеру Пэ! – вскричал лейтенант Рэдклиф, нетерпимость которого проявлялась даже в его шутках.

– При чем здесь, скажите на милость, мистер Пэ? – запротестовала жена бедняги и тут же хихикнула, чтобы убажить хозяев. – Думаете, он голоден как лев?

⁴ Время не стоит на месте (*лат.*).

Все расхохотались, даже мистер Пэ показал зубы из-под усов, так похожих на пару дохлых птиц. Он был человеком весьма целеустремленным.

В результате про немца почти позабыли.

– Я уже приглашен в другое место, – сказал Фосс.

Впрочем, вряд ли стоило говорить это тем, кому было все равно.

Из распахнутых кедровых дверей доносились такие запахи, что ожидание из-за несговорчивого немца, преграждающего путь к долгожданному обеду, сделалось особенно невыносимым.

– Если мистера Фосса ждут в другом месте... – начала миссис Боннер специально для того, кто незнаком с хорошими манерами.

– Очень жаль, старина Фосс! – оживился лейтенант, который с удовольствием избавился бы от этой помехи, кинулся в столовую, рубанул шпагой по сочной вырезке и смотрел, как из той течет сок.

Однако хозяин дома все еще чувствовал ответственность за гостя. Он просто обязан был сказать ему напутственное слово.

– Держите меня в курсе, Фосс. Желательно ежедневно. Нам нужно еще многое решить. По утрам вы всегда найдете меня в магазине. Да и после обеда я тоже там. Держите меня в курсе!

– Разумеется, – ответил немец.

В конечном итоге он ушел под смех и разговоры леди, которые ринулись в гостиную, обсуждая проповедь и шляпки, и сели за стол, а джентльмены машинально придвинули им стулья. В какие бы выси ни воспарял его взор, сейчас немец медленно брел в тяжелых сапогах по гравиевой дорожке. Равнодушие доносящихся из особняка голосов, пусть и совсем приглушенных, воспринимается как осуждение. И тогда он зашагал быстрее, чувствуя себя все более несуразно и горбясь все сильнее.

Он не умел вести себя в обществе, у кого-то даже вызывал неприязнь. Всю дорогу эта неприязнь была очевидна и самому Фоссу. В такие моменты он становился узником собственного тела, к которому его духу приходилось возвращаться в присутствии других людей. И поэтому он так яростно шагал вперед. Он чувствовал себя калекой, даром что не хромал. В той части Поттс-Пойнта стояло несколько особняков как у Боннеров, откуда за ним могли наблюдать сквозь приоткрытые ставни. Баррикады из лавровых кустов дерзко слепили его своими глянцевыми листьями. Укоренившись в песчаной почве, они быстро вытеснили местные кустарники; упрочив, таким образом, свои позиции, дома богачей бросали вызов любым незваным гостям – будь то подозрительный человек или неказистое туземное растение.

Фосс свернул за угол и пошел прочь, вниз по склону холма. На просторе ему дышалось легче. Ветер с моря, даже пахнувший стоячей водой и водорослями, приятно ворошил бороду. Слева, в окне домика из досок-горбылей, откуда торговали кусочками маринованной тушеной свинины, увядшими яблоками и лакрицей, стояла старуха и смотрела на него во все глаза. Фосс на нее даже не взглянул. По пути ему попадались и другие домики-магазины, потом питейное заведение с привязанными снаружи лошадьми. На них Фосс тоже не посмотрел. Он шагал по дороге, сердито отгоняя мух, которым бриз ничуть не мешал. Борода его развевалась на ветру. Под открытым небом он смотрелся жилистым и крепким, хотя за ним и тянулся шлейф пережитого унижения, и он двигался слишком быстро, время от времени нервно поглядывая на деревья справа, где вроде бы и смотреть было не на что. Сквозь заросли виднелась бухта, тянувшаяся вдоль дороги в город. Ее воды поблескивали, словно белки глаз, напоминая Фоссу кое-кого из встреченных сегодня людей, поэтому никакого утешения, по крайней мере при данных обстоятельствах, не несли.

Иностранец вошел в город, миновал собор, казармы и отправился в Королевский ботанический сад, где выбрал дерево потенистее и приготовился отбыть в свой мир пустынь и

мечтаний. Но покоя ему не было. Руки немца нервно шарили по земле, натываясь на мелкие ветки, стерню и камни его унижения. Исхудалое лицо совсем высохло и походило на череп, обтянутый кожей. Мимо проходил седой бродяга в поношенной кастровой шляпе, медленно жуя черствый хлеб, посмотрел на Фосса и отломил ему кусок.

– Возьми, – предложил довольный старик, – заморишь червячка – легче станет.

– Я уже ел сегодня, – растерянно проговорил немец, отвлекаясь от своих грез. – Причем недавно.

И старик в шляпе ушел, бросая крошки птицам.

Сидя под деревом, немец ощутил новый прилив унижения. Однако оно было всего лишь наказанием за великие свершения, ожидавшие его в этой стране, обладать которой он имел полное право. По песчаной земле проходили ничего не ведающие люди, ели хлеб на ходу или мясо в своих каменных особняках, а тем временем худощавый человек сидел под искривленным деревом, познавая каждую увядшую травинку с ним рядом, замечая каждый сустав на ноге муравья.

Зная так много, я узнаю все, заверил он себя, прилег и тут же уснул, медленно вдыхая знойный воздух новой страны, которая ему открывалась.

* * *

– Ну, и что вы о нем думаете? – спросил мистер Боннер, утирая жирные губы белоснежной салфеткой.

– Сегодняшний день подтвердил впечатление, полученное мной от знакомства с ним несколько месяцев назад, – заявил лейтенант Рэдклиф. – Безумец, хотя и безобидный.

– Ах, Том, к чему бросаться такими обвинениями, – запротестовала миссис Боннер, пребывавшая в добром расположении духа, – без всякого на то основания. По крайней мере, пока.

Однако Тома это не волновало. По его мнению, Фосс никогда не сделал бы достойной карьеры.

– Неужели вы и в самом деле собираетесь послать такого человека в экспедицию по этой несчастной стране? – обратилась миссис Боннер к мужу. – Уж больно он худотелый. Вдобавок совершенно потерянный.

– Что значит – потерянный, мама? – спросила Белла, беря мать за руку, потому что любила трогать ее кольца.

– Это и значит, – ответила миссис Боннер. – Потерянный, и все! У него такой взгляд, будто он не может найти дорогу.

Она пыталась выразить словами то, что чувствовала инстинктивно, и тут Роуз Поршен внесла большой яблочный пирог, который для иных присутствующих был куда важнее какого-то немца.

– Волноваться не следует, – успокоил всех коммерсант, наблюдая, как супруга умело орудует ножом, и от зеленой начинки пирога поднимается пар. – Он отправится не один – будет кому подсказать дорогу.

– Разумеется, – откликнулась миссис Боннер, обожавшая выпечку с золотистой корочкой, особенно если от нее пахнет гвоздикой. – К тому же у нас было слишком мало времени, чтобы узнать мистера Фосса получше!

– А вот Лоре времени хватило, – заметила Белла. – Расскажи нам о нем, Лолли. Что он за человек?

– Не знаю, – ответила Лора Тревельян.

«А я совсем не знаю Лору», – поняла миссис Боннер.

Пэйлторпы вежливо покашливали и подвигали бокалы, из которых с удовольствием попили вино. Потом все принялись за пирог, и разговор прервался. Наконец Лора Тревельян сказала:

– В отличие от других мужчин он вовсе не собирается наживаться за счет этой страны. Он не думает, что деньги решают все.

– Другие мужчины – люди как люди, – возразил ее дядюшка, – ведь у этой страны – большое будущее. Да и кто упустит свой шанс? Кто не хочет разбогатеть? – внезапно вскинулся он, чавкая набитым ртом.

– Ох уж эта страна, – вздохнула его супруга, помня о присутствии гостей и не желая раскраснеться.

– Фосс ею одержим, – сказала Лора Тревельян. – Это очень заметно.

– Он немного не в себе, – продолжал гнуть свою линию лейтенант.

– Зато он не боится, – поддела его Лора.

– И кто тут боится? – спросил Том Рэдклиф.

– Все или почти все мы боимся этой страны, только не говорим об этом вслух. Обладать пониманием нам еще не дано.

Лейтенант фыркнул – с его точки зрения, тут и понимать было нечего.

– Не хотелось бы мне попасть в глубь континента, – призналась Белла. – Говорят, там полно черных, и пустынь, и скал, и человеческих костей!

– Видимо, Лора на пару с одержимым герром Фоссом не боится. Так ведь? – спросил лейтенант Рэдклиф.

– Раньше очень боялась, – сказала Лора Тревельян. – И еще нескоро смогу постичь в полной мере нечто настолько непонятное и чуждое. Я прожила здесь много лет, и все же своей страной Австралию не считаю!

Том Рэдклиф расхохотался.

– Немцу она тоже чужая.

– Она принадлежит ему по праву видения, – заявила девушка.

– Что это за право такое?

Она не смогла бы объяснить. Ее била дрожь.

«Как это не похоже на Лору», – подумала тетушка Эмми.

– Мы тут рассуждаем о нашей колонии так, будто до настоящего момента ее не существовало, – пришлось вмешаться мистеру Боннеру. – Или будто теперь она существует в ином качестве. О чем мы вообще говорим? Что за ребячество? Посмотрите, каких успехов мы уже добились! Взгляните на наши дома и общественные постройки! Взгляните на самоотверженность наших чиновников, на весомые достижения людей, которые осваивают эту землю! Да что там далеко ходить, в этой самой комнате – остатки великолепного обеда, который мы только что съели! Не понимаю, чего тут бояться.

– Не волнуйся так, Лора, – сказала тетушка Эмми. – Голова еще не прошла, милая?

– При чем тут моя голова? – удивилась Лора.

Все посмотрели на нее вопросительно. В некоторых взглядах читалось, что она и немец стоят друг друга.

– Ах да, голова! – вспомнила она. – Нет. То есть прошла, кажется.

Впрочем, едва все поднялись из-за стола, она отправилась в свою комнату.

Два

Сассекс-стрит еще не настолько заостенела, чтобы ее респектабельность пошатнул петух или могучий вол, с трудом пробирающийся по разбитой колее, вдыхая пыльный городской воздух, или нестройные звуки пианино, доносящиеся из дома мистера Топпа, учителя музыки. Сам дом стоял в середине улицы и выглядел довольно мрачным и нескладным как по замыслу, так и по исполнению, из-за чего ему явно не доставало того величия, которое придает камень, ибо дом у мистера Топпа был каменным и откровенно демонстрировал все свое убожество. Удручающе небрежные стены хранили шрамы от соприкосновения с инструментом камнереза, подобные выступающим ребрам, и при определенном свете сырое здание всем своим видом воплощало страдание. Комнаты были довольно неплохие, хотя дождливым летом подвергались нашествию многоножек и до такой степени зарастали зеленой плесенью, что миссис Томпсон – пожилая женщина, помогавшая по хозяйству Топпу-домовладельцу и его жильцам, принималась жаловаться на ломоту в костях. Ныла она знатно, однако Топпу еще повезло, осмеливались утверждать его друзья, ведь он заручился услугами почтенной вдовы и при этом обошелся без лишних обязательств, как говорится. Разумеется, у нее имелись сыновья, но они были давно пристроены и жили далеко – расчищали и населяли собой новую страну. Глядя на невзрачную и чопорную служанку, домовладелец подозревал, что побывать замужем ей не довелось. По вечерам, приведя себя в порядок после трудового дня, она напыщенно декламировала историю мистера Томпсона бедняге Топпу, который слушал эту легенду так часто, что выучился подсказывать. Впрочем, похоже, это устраивало обоих.

Топп, учитель музыки и одинокий джентльмен, нрав имел нелюдимый и молчаливый. Он был невысокого роста, бледный и беспокойный человек с влажными белыми ладонями, которых стыдился в этой стране сухих, мозолистых рук. Занимался он одной музыкой, чего постоянно стеснялся, и утешал себя надеждой, что ему не придется никому отвечать, какой именно полезной цели служит его род деятельности. Поэтому он поспешно несся мимо дверей отелей, из которых доносился смех, и мечтал об идеальной стране, где официальным языком стала бы музыка. Хотя учил он игре на фортепьяно, посещая в утренние часы иные избранные дома, для собственного удовольствия Топп музицировал на флейте. Бесплезная деревяшка расцветала изящными, кристально чистыми, пронизывающими звуками, которые затем лились из окон и гасли, заставляя волов в упряжках махать хвостами, а окрестных пьяниц – поминать Господа. В те дни, когда Топп играл на флейте, унылый дом преображался, и прохожие, бредущие в пыли или по грязи, радовались, сами не зная чему.

Иоганн Ульрих Фосс, лежа на железной кровати в одной из двух комнат верхнего этажа, которые снимал у учителя, также воздавал музыке должное. Время от времени он помахивал рукой в такт, но мысли его при этом пребывали в запредельных далях. К нему заглядывали посетители, которые либо сразу поднимались наверх по узкой лестнице, либо ожидали на улице, сидя на крыльце или на подставке для посадки на лошадь, если немца не было дома. «Он ушел по делам этой своей великой экспедиции», – поясняла в таких случаях пожилая миссис Томпсон, давая понять, что уж она-то в курсе всех его дел, вот только не считает нужным их разглашать. «Проходите наверх, дорогуша, и устраивайтесь поудобнее, в ногах правды нет», – предлагала она тем, к кому благоволила. Тем же, кто казался ей подозрительным, она велела: «Обождите, тут вам не кокпит, а комнаты джентльмена. Присаживайтесь на ступеньки, видит Бог, они чистые – каждый день, почитай, намываю, да и погодка позволяет».

В отсутствие немца Гарри Робартсу всегда приходилось ожидать его на крыльце. Не то чтобы миссис Томпсон испытывала к пареньку неприязнь, просто у нее душа к нему, бедняге, не лежала – лицо обветренное, рот до ушей. Хотя она и считала себя христианкой, но не соби-

ралась в ущерб собственному здоровью сочувствовать каждому мальчишке; должен же быть предел тому, что полагается вынести бедной вдове.

Однажды весенним вечером, когда улица почти опустела, приветливые пешеходы по-свойски переключались друг с другом, и ученица Топпа наблюдала в окне последние отблески заката, Гарри Робартс пришел к Фоссу и беспрепятственно промчался по ступенькам мимо миссис Томпсон, потому что джентльмен был у себя. Мальчик застал своего друга за изучением списка веревок, бурдюков для воды и прочего снаряжения, наряду с возросшим количеством муки, насчет которой немцу требовалось договориться с рекомендованными поставщиками.

– Вот и я, сэр! – выпалил парень, вертя в руках кепи из кожи кенгуру, которым обзавелся сразу по прибытии в колонию.

– Зачем пришел? – спросил немец, посасывая кончик красиво отточенного карандаша.

– Так просто, – ответил мальчик. – Пришел, и все тут.

Немец не нахмурился, как сделал бы в иных обстоятельствах, в присутствии других людей. Бедняга Гарри Робартс был совсем ненавязчивой тенью. В широко распахнутых глазах мальчика отражались лишь базовые мысли. В его обществе Фосс будто сидел на берегу тихого водоема, позволяя собственным мыслям растекаться вширь.

Таким образом, не будучи крепок умом, Гарри, несомненно, обладал множеством иных достоинств. И мышечной силой в придачу. Например, имелся у немца сундучок красного дерева с окованными медью углами и ручками того же металла, где он держал вещи. Стоя на берегу Темзы в зловонии цветущей воды и гниющих фруктов, Фосс в бессилье смотрел на свои пожитки. Ему часто приходилось испытывать унижительную беспомощность, сталкиваясь с практическими трудностями. Ночью, в бликах света на зеленой воде, ему казалось, что спасенья нет и не будет, и тут из темноты появился Гарри, спросил, что в сундуке, и поднял его без малейшего усилия, готовый услужить любому, готовому за него думать. Он здорово запыхался, но вовсе не от напряжения – Гарри был полон энтузиазма; ведь джентльмен отправляется в Новый Свет тем же судном, что и он? Всю ночь на черном корабле, между качающихся фонарей, Фосс ощущал слабость от своей учености, в то время как мальчик подле него ощущал силу благодаря своей невинности.

Гарри привязался к Фоссу. Немец объяснял мальчику анатомию летучей рыбы, показывал звезды. Или же Гарри демонстрировал ему свою силу, сбросив рубашку и щеголяя обожженной тропическим солнцем кожей: стоял на руках, разрывал цепь, только не из пустого тщеславия, а в обмен на подарки.

Гарри был рядом всегда, пока Фосс не смирился, да и потом в Сиднее, если не работал – он устроился посыльным, – мчался по ступенькам наверх и на одном дыхании выпаливал, как сейчас:

«Вот и я, сэр! Гарри. Я пришел».

Тем же вечером появился и Лемезурье. Фосс всегда знал, что идет Фрэнк. Шаги его на лестнице звучали вдумчиво. В какой-то мере он был человеком настроения. По пути он неспешно рассматривал паука или текстуру балясин, выглядывал из глубоко посаженного окна, выходившего на задний двор, заросший длинными побегами плюща, заваленный старыми бочками и кухонной утварью. Фрэнк Лемезурье постоянно что-то высматривал, однако наблюдениями делился редко. Кожа у него была желтоватая, тонкие губы и веки над запавшими глазами казались на ее фоне темными. Сухощавый нос торчал посреди лица с какой-то особой гордостью.

«Могли бы вы сказать, – поинтересовался Лемезурье, стоя рядом с Фоссом на светлых досках палубы, – что отправляетесь в эту чертову страну с определенной целью?»

«Да, – решительно ответил Фосс. – Я намерен пересечь континент вдоль и поперек. Я стремлюсь к этому всем сердцем. Чем именно обусловлена подобная необходимость, я знаю не больше вас, который познакомился со мной не далее как вчера».

Они продолжали смотреть в бескрайнее море.

«Могу ли я, в свою очередь, спросить, в чем ваша цель? Мистер Лемезурье, верно?»

Немец увидел в юноше родственную душу, и его акцент звучал уже не так жестко.

«Цель? Пока ее нет, – признался Лемезурье. – Наверно, время покажет».

Похоже, океанская гладь этого показать не могла.

Подлаживаясь под ритм качки, немец чувствовал, что его влечет к юноше все больше. Не будь я одержим, думал Фосс, тоже болтался бы в этом море без цели.

Смуглый, довольно изящный и заносчивый юноша не ходил за ним хвостом, как Гарри Робартс, – он появлялся лишь иногда. Фрэнк нигде не задерживался надолго. Прибыв в Сидней, он успел поработать в нескольких торговых домах, потом нанялся к одному поселенцу в Хантер-Вэлли, затем конюхом на извозничий двор. Чем бы он ни занимался, ботинки у него сверкали, жилет сохранял презентабельный вид, вызывая пересуды тех, на кого юноше было плевать. Собеседников он долго не выслушивал, поскольку собственные мысли считал куда более важными, и часто уходил без предупреждения, чем немало раздражал тех болтунов, которых распирала профессиональная гордость. Еще он был снобом. Фрэнк заходил столь далеко, чтобы допускать, что он гораздо более образован, нежели другие, в чем, разумеется, был прав. Вскоре выяснилось, что он написал стихотворение на метафизическую тему, однако никто так и не осмелился спросить, что же это за тема. В то же время он любил порассуждать о Боге часа в два ночи, напившись рома, который предпочитал другим напиткам, прокладывая путь в вязкой патоке соблазнительных слов и не приходя ни к чему. Он никогда не приходил ни к чему. И если вместо того, чтобы озлобиться, он сделался равнодушным циником, то лишь потому, что еще лелеял надежду узнать свою роль в общем замысле.

Однажды вечером Фосс повстречал Лемезурье в Сиднейском парке, бродя в сумерках по берегу меж кустов и скал в его северной части, и спросил, поскольку время и место к тому располагали:

«Ну что, Фрэнк, вы уже нашли ту цель, о которой мы с вами говорили на корабле?»

«Нет, еще нет, мистер Фосс», – ответил уклончивый Фрэнк, покрываясь мурашками.

И принялся бросать камешки.

«Впрочем, подозреваю, – добавил он, – что она откроется мне лишь с последним вздохом».

И тогда Фосс, сидя на полянке среди кустов и косматых деревьев, еще больше проникся симпатией к юноше, потому что знал, каково это сражаться со своим демоном. В гаснущем свете дня руки немца, обвившиеся вокруг коленей, казались тонкими и гибкими, словно ивовые прутья. Он вполне мог бы обойтись без плоти.

Лемезурье продолжал бросать камешки, которые громко ударялись о скалы.

И тогда Фосс сказал:

«У меня для вас предложение. Планы мои понемногу вырисовываются. Предполагается, что я возглавлю экспедицию в глубь материка, на запад от Дарлинг-Даунс. В моем начинании заинтересованы несколько джентльменов этого города, которые готовы оказать необходимую поддержку. Не хотите ли отправиться со мной, Фрэнк?»

«Я?!» – воскликнул Лемезурье.

И яростно швырнул камень.

«Нет, – медленно проговорил он. – Не уверен, что хочу погубить себя так скоро».

«Чтобы себя сделать, необходимо прежде себя погубить», – заметил Фосс. Он уже знал этого юношу не хуже, чем свои потаенные мысли.

«Я в курсе, – рассмеялся Фрэнк. – Вот только в Сиднее я могу это сделать с куда большим комфортом. Видите ли, сэр, – медленно добавил он, – я не предназначен для таких высот, как вы. Я немного поваляюсь в грязи, посмотрю на звезды, потом перевернусь на другой бок».

«А как же ваш талант?» – спросил немец.

«Какой талант?» – сказал Лемезурье и лишился последнего аргумента.

«Который вам еще только предстоит открыть. Талант есть у каждого, хотя обнаружить его бывает непросто. Менее всего поискам способствует суета повседневной жизни. Однако в этой рискованной стране, насколько я успел ее узнать, отбросить несущественное и замахнуться на невероятное гораздо легче. Не исключено, что вы сгорите на солнце, плоть обдерут с костей дикие звери, муки вам грозят ужасные и примитивные, зато вы поймете, каким именно талантом обладаете, хотя и страшитесь этого сами».

Стемнело. В действительности искушаемый юноша испытывал не только страх – кровь стучала у него в висках, буквально оглушая, – будучи человеком тщеславным, он еще и чувствовал себя весьма польщенным.

«Ну, знаете, это уже слишком, – возразил Лемезурье. – Вы с ума сошли!»

«Как вам будет угодно», – сказал Фосс.

«И когда эта ваша экспедиция начнется?»

Предложение было смехотворное, и он недвусмысленно давал это понять.

«Через месяц. Или через два. Пока ничего не решено», – раздался из темноты голос Фосса.

Он уже потерял всякий интерес. Ему даже стало немного скучно: по всей вероятности, своего он добился.

«Тогда ладно, – кивнул Лемезурье. – Может, я к вам и присоединюсь. По крайней мере, подумаю. Чего мне терять?»

«Ответ на этот вопрос вам известен лучше, чем мне», – заметил Фосс, хотя и подозревал, что успел изучить юношу достаточно.

Момент истины миновал, и они отправились прочь, мягко ступая по темной траве. Оба ощутили внезапную усталость. Немец задумался о материальном мире, который отвергал из чувства эгоизма. В этом мире мужчины и женщины сидели за круглым столом и преломляли хлеб вместе. Временами, признавался он себе, голод делался почти невыносим. Юного же Фрэнка Лемезурье потрясла необъятность тьмы, и теперь он негодовал на приближение огней, раскрывающих человеческую сущность, в том числе и его собственную.

Позже, разумеется, он снова надел маску циника, в коей и поднялся в тот вечер по лестнице к Фоссу и обнаружил его в комнате вместе с этим убогим Гарри Робартсом, который давил мух на подоконнике.

Гарри посмотрел на вошедшего в упор. Порой сложно бывало понять, о чем говорит Лемезурье, да и других причин тоже хватало, поэтому мальчик ему не доверял.

– А, Фрэнк, – сказал Фосс, вознамерившийся проверить силу своего влияния и потому оставшийся за столом, – решение вы приняли и теперь наверняка опасаетесь, как бы не передумал я.

– На такое счастье я даже не надеюсь, – ответил Лемезурье, испытывая смешанные чувства.

Фосс расхохотался.

– Побеседуйте пока немного с Гарри, – велел он.

И взялся нарочито медленно выбирать карандаш и лист белой бумаги, чтобы написать письмо какому-то торговцу. Немцу нравилось сознавать, что, пока он занят делом, остальным приходится его ждать.

– Что обсудим, Гарри?

Обращаясь к Гарри, к любому другому подростку или к щенку Лемезурье насмешливо кривил темные губы. Для защиты. Юные существа читают чужие мысли легко. Особенно этот дурачок.

– А? – спросил он у мальчика, склонив голову набок.

– Не знаю... – угрюмо ответил Гарри и раздавил муху указательным пальцем.

– Помощи от тебя не дождешься, Гарри, – вздохнул Лемезурье, усаживаясь и вытягивая длинные изящные ноги, – а ведь нам нужно держаться вместе. Мы с тобой оба – обломки великой империи среди антиподов.

– Вы мне никто! – буркнул Гарри.

– По крайней мере, откровенно.

– И никакой я вам не обломок!

– Кто же ты тогда? – спросил Лемезурье, хотя мальчик уже ему наскучил.

– Я не знаю, кто я...

Гарри с надеждой посмотрел на Фосса, но тот перечитывал письмо. Сложно сказать, слышал ли он их разговор.

Усомнившись в том, что может надеяться на защиту своего покровителя, Гарри Робартс совсем приуныл. В его незамутненном уме замелькали тревожные и тусклые мысли. Кто же я? Кем я должен быть? Тяжесть ботинок на толстой подошве навалилась на мальчика чувством одиночества, от грубой куртки пахло зверьем. Вдали от Фосса он был никем, а сейчас и его присутствие не помогало. Однажды Гарри открыл ящик комода своего покровителя и потрогал его вещи, даже сунул нос в темные материи и обрел уверенность. Теперь она канула в прошлое. Ему довелось столкнуться с пугающей задачей самоопределения, предложенной Лемезурье.

– Возможно, ты натура куда более тонкая, чем считаешь сам, – вздохнул его враг и потер щеку.

Там, где бритва отыскивала утром щетину в ранних складках юного лица, рука нащупала несколько порезов. О господи, зачем он вообще пришел? Собственная кожа, почти сровнявшаяся цветом с лимоном, вызывала у него отвращение. Юноша вспомнил копну сена, на которой лежал в детстве, и запах молока или же невинности. Распознав ее в безобидных глазах Гарри Робартса, он вознегодовал, поскольку сам давно утратил это качество.

Теперь и он тоже вынужден полагаться на немца. Однако тот все читал и перечитывал злосчастное письмо и кусал ногти – точнее сказать, не все ногти, только один. Фрэнк Лемезурье, который в иных отношениях отличался особой щепетильностью, терпеть не мог эту привычку, но продолжал смотреть и ждать, поскольку был не в том положении, чтобы делать замечания.

– Гарри, я попрошу тебя передать это письмо – нет, не сейчас, подождет до утра – мистеру О’Халлорану, седельнику с Джордж-стрит, – сказал Фосс.

Откуда бедняге знать? Впрочем, немец предпочитал не обращать на чужие слабости внимания, если только из этого нельзя извлечь какую-нибудь выгоду.

– Думаю, тебе будет приятно услышать, что я получил хорошее известие, – объявил Фосс.

Он заговорил нарочито живо, видимо, переняв эту манеру вместе с чуждым ему языком у какой-нибудь пожилой англичанки, которая обращалась подобным образом к мужчинам. Мальчик смутился еще больше, потому что немцу эта манера не шла.

В глазах Гарри Робартса появилось отчаяние: он вообще перестал что-либо понимать. Ему очень захотелось прикоснуться к своему благодетелю. Раз или два он уже дотрагивался до Фосса, и это сошло ему с рук.

– Поверить не могу, что проклятая экспедиция все-таки состоится, – проворчал Лемезурье.

Открывшись, он сделался безразличен ко всему и держался с нарочитой дерзостью, вытянув далеко вперед свои длинные ноги.

– Не пройдет и двух недель, как мы поднимемся на борт «Морского ястреба», – объявил Фосс. – Нас будет пятеро. Мы отплывем в Ньюкасл, уже с основными припасами. Оттуда мы направимся в Рейн-Тауэрс, владения мистера Сандерсона.

Для чтения и письма немец надевал скромные, но изящные очки.

– Пятеро? – переспросил Лемезурье, немного заинтересовавшись. – Мы трое, еще Пэл-фримен, само собой. Ах да, я позабыл про Тернера.

– Тернер скоро придет, полагаю.

– И мы поедем на лошадях, как вы обещали? – спросил Гарри Робартс.

– Или на мулах, – сказал Фосс.

– Или на мулах.

– Думаю, мы поедем верхом на лошадях, а поклажу повезут мулы. Разумеется, все зависит от мистера Сандерсона и мистера Бойла из Джилдры.

Хотя так поступают многие, это не имело никакого значения, поскольку вещи материальные для Фосса не стоили ничего. Посему Фосс часто обманывал своих друзей. В темной комнате юноша и мальчик продолжали ждать от него моральной поддержки. Вместо этого он обратился к жизнерадостным фразам, которые ему не принадлежали. Бледные щеки Фосса покраснелись, словно для маскировки. В конце концов, он поведет их, решил немец, и таким образом оправдается. Легко сказать, трудно сделать. Вдохновение снисходит внезапно и облекает обстоятельства в соответствующую форму, оно не хранится в бочонке как солонина, чтобы доставать по куску. Отражаясь в туманном зеркале темнеющей комнаты, Фосс ничуть не удивился тому, как значительно выглядит на общем фоне. Он мог бы с легкостью позабыть про своих двух адептов. Они были совершенно разными людьми, и объединяло их лишь то, что оба отчаянно в нем нуждались.

Тем временем по лестнице с крихтеньем поднялась пожилая экономка Топпа и принесла жильцу ужин – сладкое мясо и бокал вина, изрядно отдававшего пробкой.

– Что же вы впотьмах сидите! – посетовала миссис Томпсон тоном, который приберегала для детей и для лиц противоположного пола.

Она зажгла пару свечей и поставила их на колченогий столик кедрового дерева, где немец пристроил свой поднос. Скоро комната купалась в свете.

Фосс ужинал. Ему даже в голову не пришло поделиться едой со своими двумя нахлебниками. В сиянии свечей он казался им недосыгаемым, и они разглядывали немца без всякого стыда, наблюдая, как крошки падают у него изо рта.

– Вкусно? – спросила миссис Томпсон, расцветавшая от похвалы своих джентльменов.

– Превосходно, – не задумываясь ответил немец.

К еде он относился спокойно. Чем быстрее, тем лучше. Однако ответом расположил к себе экономку.

«В самом деле, он просто жадная свинья, – подумал Лемезурье. – Немецкая свинья!» И сам себе удивился.

– Кушайте медленнее, – заметила экономка. – Одна леди мне рассказала, что пищу следует пережевывать тридцать семь раз.

«До чего красивый мужчина!» – подумала она.

– Вам надо набираться сил.

Лицо худое, на лбу вены выступают. Миссис Томпсон вспомнила больных, за которыми ухаживала, особенно мужа, угасшего от чахотки вскоре после прибытия на эти берега, и вздохнула.

Вошел Топп с бутылкой вина и бокалами, поскольку знал, что Фосс ничего им не предложит. Учитель музыки его не винил. Великим мужам не пристало размениваться по мелочам, а если немец и не был великим, домовладельцу нравилось считать его таковым. Однажды Топп сочинил сонату для фортепьяно и скрипки. Впрочем, он не осмеливался заявлять на нее свои права, и если ему случалось давать ее ученикам, говорил: «Сейчас мы сыграем одну вещицу».

К его обычной скромности сегодня примешивалась хандра.

– После жаркого дня, – заметил Топп, – южные ветра пробирают до костей.

Миссис Томпсон собралась всласть порассуждать о климатических недостатках колонии, и тут ее окликнула с улицы знакомая леди.

– Не один ветер, так другой. Боже мой, это просто ужасно! В безветренную погоду тоже все не ладится. Прямо-таки страна контрастов! – Вот и все, что она успела сказать.

Фосс откинулся на спинку стула и ковырялся в зубах. Еще он рыгнул, словно был наедине со своими мыслями.

– Мне редко доводилось встречать здесь человека, который не был бы убежден, что эта страна его уничтожит, – заметил Фосс. – Вместо того чтобы самому превратить ее в то, что ему угодно.

– Эта страна не для меня, – объявил Топп, разливая вино по бокалам. – И вообще, я попал сюда по несчастливой случайности.

Он так разволновался, что пролил вино.

– И не моя, откровенно говоря, – сказал Лемезурье. – Я не могу думать о ней иначе как о дурной шутке.

– Я приехал сюда из-за преданности идеалам, – признался Топп, озабоченный лишь собственным положением, – и ложного убеждения, что смогу привить дикарям чувство прекрасного. А здесь даже аристократия или то, что по местным меркам считается ею, набивает животы бараниной до полного отупения.

– По-моему, с этой страной все в порядке, – осмелился возразить Гарри Робартс, – разве набитый живот – плохо? Я ни разу не голодал с тех пор, как сошел на берег, и очень рад!

На этом его мужество иссякло, и он выпил свое вино залпом.

– Гарри всем доволен, – заметил Лемезурье, – потому что у него на первом месте живот.

– Еще как доволен, – буркнул мальчик.

Когда-нибудь он найдет в себе силы убить этого человека.

– Я тоже, Гарри, – сказал Фосс. – Я осмеливаюсь называть Австралию своей страной, хоть я и иностранец, – добавил он для остальных, потому что людям присуще вставать на защиту того, от чего они отрекаются. – И пока знаю о ней слишком мало.

Как бы он ни презирал смирение, сейчас оно было довольно уместно.

– Добро пожаловать, – вздохнул Топп, хотя выпитое вино уже привело его в прекрасное расположение духа.

– Вот видишь, Гарри, – сказал Лемезурье, – у тебя есть единокороче, который разделит твои патриотические чувства и обнимет с тобой вместе распоследнюю игуану!

– Не мучайте его, Фрэнк, – велел Фосс вовсе не потому, что был против жестокого обращения с животными: их склока мешала ему предаваться самолюбанию.

Гарри Робартс утер слезу благодарности. Как и все любящие сердца, он имел склонность к заблуждению.

Что касается Фосса, он уже вступил в борьбу с грядущим и в этом деле на любовь особо не рассчитывал, потому что все мягкое и податливое недолговечно. То ли дело минералы – неиссякаемый источник чудес; полевой шпат, к примеру, вполне достоин восхищения, и его собственное имя лежало у него на языке словно кристалл. Если он хочет оставить свое имя на этой земле навсегда, пусть даже она поглотит его физическое тело, лучше бы это произошло где-нибудь в полной глуши – идеальная абстракция, которая не вызовет у грядущих поколений ни малейшей нежности. В сентиментальном восхищении он нуждался не больше, чем в любви. Он был человеком самодостаточным.

Глава будущей экспедиции посмотрел на своих подчиненных, гадая, знают они или нет.

Тем временем вверх по ступенькам уже взбиралось неопознанное тело. Оно загрохотало, обратив на себя внимание всех присутствующих, и ввалилось в комнату. Пламя свечей покачнулось.

– Это Тернер, – сказал Фосс, – и он пьян.

– Трезвым меня точно не назовешь, – признал вышеупомянутый, – но я еще не пьян. Это все эвкалиптовая настойка, будь она неладна! У меня от нее несварение.

– Зря вы ее пьете, – заметил немец.

– Такова уж человеческая натура, – мрачно заявил Тернер и сел.

Он был худым и длинным типом, чей разум окончательно скис. Тернер страдал косоглазием, проистекавшим из привычки наблюдать за чужими делами и при этом прикидываться, что смотрит совсем в другую сторону. Вопреки своему жалкому виду, он был жилистым и крепким и последние пару месяцев проработал на кирпичном заводе, поэтому складки его одежды и трещины в коже хранили заметные следы красной пыли.

– У меня новость, – объявил ему Фосс, – только вряд ли она вас заинтересует.

– Вы же меня не бросите из-за моей широкой на- туры! Разве человек несет ответственность за свою натуру?! – вскричал Тернер. – Вам кто угодно скажет, что нет!

– Если я вас и возьму, то лишь потому, что в тех дальних краях вашей натуре будет нечем себя тешить.

«И еще потому, что питаю нездоровый интерес к отверженным душам», – добавил про себя Фосс. И все же Тернер трезвый обладал некоей врожденной хваткой, которая на пути к цели заставляла его выкладываться до предела. Такого человека можно использовать, если только прежде он не использует вас.

– Мистер Фосс, ну, пожалуйста! – взмолился пьяный Тернер. – Я буду напрягать каждый мускул своего тела! Я буду делать всю грязную работу! Я траву буду есть!

– Ну вот, еще один новообращенный, – заметил Фрэнк Лемезурье и поднялся.

Лемезурье неизменно попирали все, что вызывало у него физическое отвращение. На открытый конфликт с Тернером он не пошел бы, хотя если они поедут вместе по высокой желтой траве, то могут сцепиться стременами, или, лежа в пыли и зловонии термитов, борясь с одними и теми же кошмарами под звездным небом, их тела могут сблизиться и соприкоснуться.

«Если только немец до такой степени филантроп, что возьмет с собой этого человека», – подумал Лемезурье. Или же он дурак? Ответить на сей вопрос ему предстояло самому – ждать помощи от Фосса не приходилось.

– Мистер Топп, – проговорил немец, – владей я искусством музыки, поставил бы перед собой вот какую задачу: создать произведение, в коем различные музыкальные инструменты представляли бы моральные качества людей, которые друг с другом не в ладах.

– Я предпочел бы выразить величие совершенства, – возразил наивный учитель музыки, – в больших потоках чистого звука.

– Чтобы понимать совершенство, следует его сперва достичь, а это невозможно. К тому же в результате мелодия получилась бы весьма однообразная, если не сказать чудовищная.

Тернер, сжимавший свою смятенную голову растопыренными пальцами, воскликнул:

– О-о! Боже упаси!

Внезапно он опомнился и с неприкрытой угрозой обернулся к Лемезурье, собравшемуся уходить.

– Новообращенный, значит? – Видно, Лемезурье задел его за живое. – Вы, с вашими разговорчиками, не такой уж и святоша! Если бы трущобы могли говорить... Видал я вас, и вовсе не в воскресной жилетке, вдобавок по уши в грязи! Гуляли с распутными девками, да еще трепались направо и налево! С ваших собственных слов, заключили сделку с практикующим безумцем и теперь отбываете в круиз по аду и обратно!

Тернер принялся хихикать и задорно подмигивать мальчику, внимавшему с открытым ртом.

– Если это был я и я был пьян, то ничего не помню. – Лемезурье презрительно наморщил нос. – Кроме того, что был пьян.

– Мы тут не одни с тобой грешники, верно, сынок? – жадно сглотнул подмигивающий Тернер.

Он ощутил необходимость привлечь на свою сторону мальчика. Двое всегда лучше одного.

– Я готов признать, что был пьян, – сказал Лемезурье.

– Это правда, – угрюмо кивнул мальчик, который наконец усвоил правила игры и теперь наслаждался роскошью принимать ту или иную сторону.

– Иногда это просто необходимо, – нахмурился Лемезурье.

– А-га! – взорвался Тернер. – Червям расскажите! Будто они не разбираются в жидкостях!

– Бывает такая засуха, Тернер, какой не доведется испытать ни одному тупоголовому червю, копошашемуся в земле. Его жизнь протекает в блаженном неведении. Худшее, что может случиться с вашим червем, – выползти на белый свет и оказаться раздавленным.

– Вы джентльмен, – проговорил Тернер, чеканя каждое слово, – и мне за вами не очень-то поспеть. Но кое-что я догоняю.

Лемезурье позволил себе ухмыльнуться.

– И за это я набью вам лицо! – заявил Тернер.

Он поднялся вместе с Гарри Робартсом, на несколько минут ставшим ему другом. Оба шумно задышали. Страсти так накалились, что заполнили всю комнату и казались делом первостепенной важности, перед которым померкло все. Однако Фосс их мигом остудил.

– Ваши личные разногласия меня не интересуют, – заявил он, – мне не важно, кто тут пьяница, кто безумец, кто предатель. Куда больше меня удручает собственное безрассудство: пытаюсь воплотить свой великий замысел, я подобен тому червю, Фрэнк, что кусает себя за голову в глубинах земли. Вы оба, Тернер и Фрэнк, часть этого странного и вроде бы невыполнимого замысла. Меня тяготит, что я не могу от него отказаться, несмотря на все мыслимые и немыслимые трудности. Я просто не могу! А теперь покиньте эту комнату, которая принадлежит мне, если помните. Также не забывайте о том, что улица принадлежит всем жителям этого города. Когда мы увидимся снова, полагаю, вы уже смиритесь с недостатками друг друга, поскольку нам предстоит провести вместе весьма продолжительное время.

После никто не вспомнил, каким было при этом его лицо. Хотя слова немца всем очень даже запомнились: он отчеканил свою отповедь, пнул комок засохшей грязи, лежавший на ковре, и тот гулко стукнулся о деревянную обшивку стены.

Когда удалились все, включая беднягу Топпа, мечтавшего остаться и за вином побеседовать на философские темы, Фосс пошел в заднюю комнату, сбросил одежду и, по обыкновению, не раздумывая, лег в кровать и сразу уснул. Он рухнул в глубины своего «я». Никто не смог бы нанести реальный ущерб его Идее, как бы они ее ни царапали. Люди извергали слова. Люди выкашливали свои сухие души, и те рикошетили горошинами. Тщетно. Из того самого песка, по которому Фосс ступал с таким благоговением, словно то был драгоценный бархат, гранитным монолитом произрастала его нетронутая никем Идея. Не считая, увы, Пэлфримена. Черт лица немец не различал, но само присутствие этого человека пронизывало весь его сон. И теперь Фосс ворочался на жесткой кровати. Ночь выдалась влажная. Руки спящего тщетно пытались освободить тело от сковавшего его пота.

Утром солнце сияло ярко, под ногами скрипела красная песчаная пыль. Погода наконец устоялась. Фосс отправлялся по делам в высоком черном цилиндре и за несколько дней обошел всех торговцев. Он остановил выбор на выючных седлах О'Халлорана. Он договорился с Пирсом насчет восьмидюймового секстанта, призмических компасов, барометров, термометров и прочих приборов. С мельницы Бардена должны были завезти двухгодичный запас муки прямо на корабль.

В четверг, судя по краткой записи в дневнике, он встретился с Пэлфрименом, прибывшим в город из Парраматты, где гостил в поместье друга и поправлял здоровье после болезни.

Пэлфримен и Фосс провели вместе некоторое время – прогулялись по Ботаническому саду, поговорили, помолчали, настороженно приглядываясь друг к другу и обдумывая трудности, неизбежно возникнувшие в ходе совместного участия в будущей экспедиции.

Ростом Пэлфримен не вышел, зато спокойный и прямодушный взгляд поднимал его до уровня большинства прочих мужчин. Лицо ученого, обычно обгоравшее на солнце до желтовато-коричневого цвета, что типично для людей со светлой кожей, из-за недавней болезни приобрело зеленоватый оттенок, черты стали немного размытыми. Серые глаза в запавших глазницах под темными веками смотрели очень прямо. Верхнюю губу он брил, нижнюю же часть лица закрывали коричневые бакенбарды. Одевался Пэлфримен аккуратно, но без щегольства, в серое, и в результате на его фоне немец в теплом сюртуке и черных помятых брюках смотрелся крайне неряшливо. Всю прогулку Фосс стыдился и судорожно смахивал пыль с рукавов, и пару раз даже нервно дернулся.

– Хватит ли у вас сил, чтобы отправиться в это путешествие, мистер Пэлфримен? – спросил он и нахмурился, подумав о чем-то своем.

– Сил у меня предостаточно.

На солнце англичанин часто и изумленно мигал, словно дневной свет казался ему слишком ярким.

– Жена и дочери моего друга Стрэнга откармливали меня яйцами и сливками бог знает сколько недель! Прискорбное происшествие, хотя на деле я лишь немного защемил спину, когда упал с лошади. Признаюсь, сперва я был потрясен. Всегда страшился стать инвалидом из-за травмы спины. И вот он я, совершенно здоровый!

Фоссу, который также не отводил глаз от яркого света, пришлось улыбнуться. Точнее сказать, осклабиться. Он покивал, втянув ртом воздух и пытаясь изобразить внимание к собеседнику.

– Кроме того, – продолжал орнитолог довольно мягким голосом, – другого такого предложения мне придется ждать долго. Ваша экспедиция – именно та возможность, к которой его сиятельство питает особый интерес.

Пэлфримен прибыл по поручению некоего желчного английского лорда, бывшего в силе при предыдущем правлении и увлекавшегося коллекционированием всевозможных вещей – от драгоценных камней и музыкальных инструментов до чучел птиц и тигров. Его сиятельство редко осматривал собранные в своем палладианском особняке сокровища, разве что иногда, повинуясь внезапному порыву, выдирал из стеллажа ящик с птичьим гнездом, чтобы взглянуть на скорлупки яиц или порадовать очередную пассию стайкой колибри на тонкой проволоке. Истинной страстью лорда было собирать и владеть. Когда же безжизненные экспонаты ему наскучивали, их в спешном порядке запаковывали и передавали в какой-нибудь национальный музей.

По поручению лорда Пэлфримен и посетил Новый Южный Уэльс. Даже если побудительным мотивом поездки стал всего лишь чужой каприз, профессиональная честь ни за что бы не позволила орнитологу этого признать. Он был настоящим ученым. Возможно, его утешала преданность науке или даже религиозная вера. Как бы то ни было, доверчивая натура Пэлфримена перекинула мостик в виде культа полезности и успешно соединила оба берега его жизни, невзирая на многочисленные несочетаемые географические особенности и сильное течение между ними, которое сам он замечал крайне редко.

И вот теперь Фосс и Пэлфримен, которых беседа водила по всевозможным уголкам Ботанического сада, очутились на самом настоящем мостике. Обстоятельства сложились так, что свели их вместе, хотели они того или нет.

Фосс сказал:

– Ничуть не сомневаюсь, мистер Пэлфримен, что у вас еще будет возможность преследовать интересы вашего покровителя в неизведанных землях к западу от Дарлинг-Даунс. Я всего лишь беспокоюсь о вашем здоровье.

На жалком декоративном мостике оба смотрелись весьма гротескно. Они стояли, глядя вниз и совсем не замечая, что там находится. Собственно, кроме перепутанных мертвых листьев кувшинок, и глядеть было не на что.

– Мое здоровье, – проговорил Пэлфримен, – всегда было вполне сносным.

– Вы – человек воли, как я посмотрю! – рассмеялся Фосс.

Похоже, Пэлфримен понимал, что немец хочет от него избавиться, поэтому сказал:

– Это вовсе не вопрос моей воли, мистер Фосс. Скорее, тут вопрос воли Господа, которому угодно, чтобы я осуществил взятые на себя определенные обязательства.

Фосс выставил вперед плечи, словно желая защититься от неприятного разговора. Потом снова выпрямился и стал выше маленького, но уверенного в своей правоте Пэлфримена, чьи серые глаза все еще были устремлены на увядшие листья кувшинок.

– Ваш моральный настрой наверняка понравится мистеру Боннеру, – проговорил Фосс. – Он считает, что проходимцы, которых я набрал в экспедицию, не отвечают ее высоким целям. Как и большинство джентльменов, преуспевших в сфере ценностей материальных, мистер Боннер чрезвычайно озабочен моральным аспектом.

Немец с удовольствием прошелся бы по этой теме, но остроумие ему не было свойственно. Даже смех его звучал весьма натужно на фоне двух или трех банановых деревьев, которые покачивались на ветру у собеседников за спиной.

– Смотрите! – указал Пэлфримен на муху с прозрачными крылышками, усевшуюся на перила мостика.

Похоже, он настолько впечатлился насекомым, сверкавшим всеми цветами радуги, что едва ли услышал слова Фосса, чему последний был отчасти рад.

Немцу хотелось обрести полную уверенность, сомнения в которой проистекали не из слабости его брони, а из явной неспособности ослабить силу своего компаньона. Естественно, осознавать это было неприятно.

Впрочем, вскоре Фосс совершенно овладел собой. Рядом с ним снова стоял рассеянный орнитолог, тычущий упругим пальцем в насекомое, кроме которого его явно ничего не интересовало.

Муха тут же улетела, и двое мужчин продолжили обсуждать практические вопросы. Фосс согласился свести Пэлфримена с мистером Боннером на следующий же день.

– Знаете, он человек достойный, – сказал Фосс. – Щедрый и надежный. Лучшего покровителя и желать нельзя.

Пэлфримен едва улыбнулся – по его полному задумчивому лицу будто скользнула тень перенесенной болезни.

– Берегите себя, мой дорогой, в этом городе неожиданных опасностей, – мило сказал Фосс при расставании у залитых солнцем ворот.

Фосс мог быть весьма мил и очень к тому стремился. Он улыбался с неподдельным обаянием, несмотря на острые зубы, и даже положил руку коллеге на плечо, что было для него нетипично.

Потом они расстались. Пэлфримен, живший в своем иллюзорном мире, пребывал в отличном настроении и шел не торопясь. Фосс поспешно направился по делам, и штанины его брюк захлопали на ветру.

В последующие дни немец подспудно размышлял о воле Божьей. Пестовать веру, как ему представлялось, надлежало исключительно женщинам – где-нибудь между приготовлением джема и глажкой белья. Он вспомнил племянницу Боннера, церемонную и наверняка чванливую девицу, которая носила свою веру, переключив ее на женский лад. Пожалуй, в отли-

чие от большинства ей присуща какая-то безучастная элегантность. Изредка ему попадались мужчины, принимавшие смирение без всякого стыда. Вполне возможно, что в порыве самоотречения личности такого склада испытывали некий чувственный восторг. Иногда Фосс с досадой отмечал, что ему подобные переживания недоступны, хотя и гордился этим. Да они буквально сливаются воедино с концепцией своего Бога, возмущался немец. Такие мужчины сродни женщинам! И все же ему вспоминались взгляды Пэлфримена и старика Мюллера – обоим он всегда сторонился, к обоим старался не привязываться.

Так оно и шло, и день отъезда приближался.

Несколько раз ему снова вспомнился тот старик, отец Мюллер. В начале года Фосс гостил в общине Моравских братьев около залива Моретон. Стояла пора сенокоса. На щетинившиеся стерней поля снизошли эфемерные цвета мира и спокойствия. Картинка врезалась ему в память: низенькие побеленные хижины братьев, тонкие, но крепкие сероватые деревца, загорелые ребяташки. Вся община вышла в поля и собирала урожай. Несколько женщин взяли грабли и вилы и сгребали сено или бросали его на телеги своим мужьям. Пришли даже два старых пастора, сменив черные сутаны на вполне мирские серые комбинезоны. Работали все. Над ними возвышалась фигура отца Мюллера, основателя поселения. И такие покой и доброта чувствовались в этой типично мирской сцене, в игре света и тени, в изобилии благоухающего сена, что они вполне могли бы исходить из души старого квиетиста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.